

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

УДК 94(47).083+28(470)

ИРРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ ОБЫВАТЕЛЕЙ В 1914 – 1916 ГГ. КАК КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЗЕМСТВА И ГОСУДАРСТВА

В. Б. Аксенов

МИРЭА, Московский государственный технический университет, кафедра истории России и права, г. Москва, Россия

В статье рассматривается иррационализация массового сознания обывателей в период Первой мировой войны как следствие незавершенности «рационального поворота». Отмечается слияние земской и центральной власти в глазах народа, в результате чего политика царизма дискредитировала представителей земств. Непонимание крестьянством причин и целей войны, а также вызванные временем противоречия повышали роль слухов, в которых обнаруживались эсхатологические мотивы. При этом аналогичные процессы происходили в среде горожан – массовое увлечение мистицизмом, спиритуализмом, вызванное желанием узнать время окончания войны. Анализируя форму и содержание деревенских слухов, а также изучая динамику роста душевнобольных, суицидальную активность городских слоев населения, автор приходит к выводу о единстве психологических и социальных процессов в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, слухи, массовое сознание, земство, психические расстройства, суицид.

Изучение массового сознания, столь популярное в последнее время, страдает от неразработанной методологии. Помимо неопределенности источниковой базы малопонятен сам феномен массового сознания, его структура. Вместе с тем, очевидно, что массовое сознание представляет собой систему, в которой механизм формирования массовых представлений функционирует в нескольких плоскостях: рациональном и иррациональном. Проявлением первого выступает культура печатного текста, апеллирующая к логическому мышлению, второго – культура устного мифа, запускающая ассоциативную цепочку архетипических образов. Но парадокс

---

¹ В данном разделе продолжается публикация докладов участников Международной научной конференции, посвящённой 100-летию Первой мировой войны и 150-летию земской реформы «Российское земство: 50 лет мира, 3 года войны», Тверь, 28 сентября – 2 октября 2014 г.

состоит в том, что на протяжении долгих столетий печатное слово в крестьянскую среду несла церковь, проповедники которой в проповедях обращались к мифологическому мышлению прихожан, и только после земской реформы во второй половине XIX в. научная картина мира начинает распространяться в крестьянской среде.

Развитие земского движения, способствовавшее подъему народного образования, медицины, агрокультурных технологий, а также проникновение в деревню новых форм экономической активности крестьян укрепляли прагматизм мышления. На рационализацию крестьянской жизни указывают С. Лурье и японский историк К. Мацузато, отмечая усиливающееся влияние в провинции земских деятелей в период столыпинских преобразований, в частности, на работу агрономов². Вместе с тем японский исследователь обращает внимание на постоянную текучку кадров, эпизодичность появления агрономов в отдаленных от уездных центров деревнях³.

Однако едва ли даже длительное проживание агронома или фельдшера могло в рамках одного поколения привести к существенным ментальным сдвигам. В этой связи примечательны отчеты корреспондентов Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева: в ряде из них отмечалось, что, несмотря на распространение земской медицины, сельское население предпочитало ходить к колдунам и знахарям, чем к врачам и фельдшерам, некоторые же болезни, например, лихорадку, и вовсе считало порчей, перед которой наука бессильна⁴. Проникавшее в деревню научное знание, если и приживалось, то вступало в довольно причудливые симбиотические сплетения с народными традициями: крестьяне конца XIX в. в своем большинстве уже не считали небо хрустальным шаром, допускали, что никакого загробного мира нет, но были уверены, что падающая звезда – это свержение черта с неба, звезды вообще – глаза ангелов, а загоревшийся от молнии дом нельзя тушить водой, но только молоком, так как молнии – это стрелы, которыми Бог гоняет чертей⁵.

Чрезвычайную инертность традиционного сознания иллюстрирует тот факт, что даже в 1917 г. в психологии пролетариата, порвавшего со своим крестьянским прошлым, проявлялись пережитки народной мифологии, на что обратили внимание М. Штайнберг и Е. Бетехина, анализируя революционный рабочий фольклор и обнаруживая в нем сказочные образы

---

² Лурье С. *Метаморфозы традиционного сознания*. М., 1994; Matsuzato K. *The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916* // *The Russian Review*. April 1996. Vol. 55. P. 174–180.

Lur'e S., *Metamorfozy traditsionnogo soznaniya*, M., 1994.

³ Matsuzato K. *Op. cit.* P. 174–180.

⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. СПб., 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 48, 87, 415.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy, Materialy «etnograficheskogo byuro» кн. V. N. Tenisheva SPb., 2004, T. 1, Kostromskaya i Tverskaya gubernii, S. 48, 87, 415.

⁵ Там же. С. 67, 438, 441.

Ibid, S. 67, 438, 441.

(например, жар-птицу)⁶. В собственно крестьянской среде мистический пласт сознания продолжал играть значительную роль и в 1920–1930-е гг., что показали исследования Л. Вайолы, С. Смита, отмечавших распространённость апокалиптических настроений и суеверий в советской деревне⁷.

Хотя иррационализация массового сознания, как правило, характерна для переживаемых народом социально-психологических кризисов, будь то войны или революции, её можно рассматривать и как незавершённость «рационального поворота», в нашем случае – как определённый провал земской реформы. Следует отметить парадокс, который не акцентируется в историографии земства: если с высоты рационально-аналитического мышления представляется очевидным противопоставление земства как местного самоуправления центральной власти, то в крестьянском восприятии происходило слияние земской и центральной власти. Политика царизма дискредитировала представителей земств в глазах народа, собственно, как и идеализировала, что неоднократно подчёркивали исследователи⁸.

Первая мировая война породила причины новых конфронтаций крестьян и представителей земств. Уход крестьян на фронт и их гибель приводила к необходимости межевания земельных наделов. При этом зажиточные крестьяне стремились скупить по дешевке оставшиеся без работников земли, однако крестьянская беднота этому противодействовала; в первую очередь недовольство проявляли солдатские жены, требуя отложить межевание до возвращения с фронта их мужей⁹. Участие земских землемеров в подобных инициативах настраивало против них крестьян. Кроме того, фактором конфликта выступала инициированная земскими деятелями антиалкогольная кампания, неоднозначно встреченная крестьянством.

Первая мировая война серьезно подорвала хозяйственную жизнь деревни не только ввиду ухода на фронт мужчин, но и введением повинностей, лишавших крестьян лошадей, крупного рогатого скота. Так, 55-летний крестьянин Псковской губернии Аким Лукин возмущался гужевой повинностью: «Почему мою лошадь выбрали, – неужели наш государь

---

⁶ *Betekhina E. Style in Lower-Class Writing in 1917 // Steinberg M. Voices of Revolution, 1917. New Heaven and London: Yale University Press, 2001. P. 331–333.*

⁷ *Viola L. The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // The Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. Issue 4. P. 747–770; Смит С. Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 280–306.*

Smit S., Nebesnye pis'ma i rasskazy o lese: «sueveriya» protiv bol'shevizma, Antropologicheskii forum, 2005, № 3, S. 280–306.

⁸ *Жукова Л. А. Влияние института земского самоуправления на процесс формирования гражданского общества в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб» / URL: <http://www.rikmosgu.ru/students/informatization/Zhukova/> (дата обращения: 23.09.2014).*

⁹ *Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г.: сб. док. М.; Л., 1965. С. 58–59.*

Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny, Iyul' 1914 – fevral' 1917 g., sb. dok., M.; L., 1965, S. 58–59.

прогорел, что последнюю лошадь отбирает?»¹⁰ «Если вашему государю нужно воевать, то пусть дает своих лошадей», – вторил ему ровесник из Холмской губернии Иван Вазио¹¹. В итоге у крестьян и призванных из их среды запасных созревали коллаборационистские настроения. Офицер в письме из действующей армии в Москву в декабре 1914 г. приводил типичные разговоры солдат-призывников: «А если Вильгельм возьмет Польшу – так что же из этого следует. А то, что через несколько лет нашей Польши не узнаешь. Смотри, как “под Вильгельмом” живут. Разве где-нибудь у нас в Польше или России найдешь таких крестьян. Посмотри, они ведь как помещики, так у них все устроено. Поэтому, по всей совокупности, не беда, если немец все завоюет: тогда войны больше не будет (не с кем будет), а житья будет не хуже, а скорее – лучше»¹².

В результате в разгар столичных патриотических манифестаций по российской деревне прокатывалась волна антиправительственных выступлений. По форме они скорее походили на стихийные «пьяные» бунты, однако, как известно, именно стихия лежит в основе революций. Собственно рациональным основам патриотизма в деревне взяться было неоткуда. Как известно из воспоминаний русских офицеров, солдаты в 1914 г. плохо себе представляли, из-за чего началась война. В лучшем случае слышали, что «какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты»¹³. П. Н. Милюков недостаток политической грамотности связывал с так называемым «местечковым патриотизмом», согласно которому крестьяне идентифицировали себя в первую очередь в границах той или иной губернии: «мы калужские» «мы вятские», «мы тамбовские» и т.д.¹⁴ О том же упоминается в воспоминаниях генералов А. А. Брусилова и А. И. Деникина¹⁵. Но если на фронте офицеры через политинформацию могли преподнести солдатам краткие уроки и тем самым повлиять на их национальную самоидентификацию, то в российской глубинке, несмотря на усилия грамотных крестьян донести до односельчан содержание газет, народ в массе пребывал в неве-

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 10 об.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 10 ob.

¹¹ Там же. Л. 71.

Ibid, L. 71.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 51.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. 102, Op. 265, D. 980, L. 51.

¹³ Брусилов А. Воспоминания. М., 1963. С. 81.

Brusilov A., *Vospominaniya*, M., 1963, S. 81.

¹⁴ Милюков П. Н. Как принята была война в России? // Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 157–162.

Milyukov P. N., *Kak prinyata byla voina v Rossii?* Milyukov P. N., *Vospominaniya*, M., 1991, S. 157–162.

¹⁵ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 70; Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1992.

Brusilov A. A., *Moi vospominaniya*, M., 2001, S. 70; Denikin A. I., *Ocherki russkoi smuty*, M., 1992.

дении относительно причин и масштабов конфликта. Поэтому те слухи, которые перекликались с сюжетами народного мифотворчества, оставались наиболее доступными для понимания.

Нельзя не согласиться с мнением С. Лурье, что при наличии некоторых мифологических наслоений, крестьяне были весьма разумны и близки к пониманию реального положения дел¹⁶. Крестьяне, действительно, пытались найти рациональные объяснения мирового конфликта, однако едва ли их можно признать «близкими к реальному положению дел». Так, наиболее распространённым объяснением причины начала мировой войны был земельный вопрос. Согласно этой версии, царь «продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей»¹⁷. Представление о войне как о бессмысленном побоище доминировало в крестьянском сознании. Уже в декабре 1914 г., задолго до начала череды военных неудач русской армии, собравшиеся за покупками в томской артельной лавке крестьяне, рассуждая о войне, заключали: «... просто напросто наш государь Николай и германский Вильгельм как раньше пили шампанское вино, так и теперь пьют его вместе; войну же ведут из-за того, чтобы уничтожить миллионы порядочных людей»¹⁸. Единственным рациональным объяснением этой бессмысленной для крестьян бойни и выступало предположение о «решении» с помощью войны земельного вопроса путем уничтожения претендовавших на нее крестьян.

Правда, циркулировали и иные слухи, связывавшие войну с земельным вопросом: многие наивно верили, что отобранные у немцев и австрийцев земли отдадут крестьянам. По этому поводу случались недоразумения между различными начальствующими лицами и демобилизованными по причине ранений солдатами-крестьянами. Горожане, участвовавшие в благотворительной работе общественных организаций в деле помощи раненым воинам, в письмах делились подобными историями: «Подходит, например, с ампутированной рукой солдатик и спрашивает: “это вы записываете, кому сколько земли дать?” Я раньше не поняла, а оказывается, что он думает, что от немцев отобрали землю и дают нашим крестьянам. Оказался он крестьянином Смоленской губернии»¹⁹.

Наивно-архетипическими представлениями крестьянства можно объяснить и другие версии причин войны, например: Россия была продана за бочку золота и теперь царь обязан отдать ее германцу, или: «леший царь – картежник проигрался в карты и вздумал войну»²⁰. Часто в той или иной

¹⁶ См.: Лурье С. Указ. соч.

Lur'e S., *Op. cit.*

¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 27.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 27.

¹⁸ Там же. Л. 136 об.

Ibid, L. 136 ob.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1628.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 997, L. 1628.

²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 42 об., 101 об., 181.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 42 ob., 101 ob., 181.

форме фигурировала идея мотовства: «царь Николай Россию промотал»²¹. Правда, более распространённым образом царя был образ не мотакартежника, а виноторговца: «царь вином торговал [...] нагребил денег с крестьян, а германец узнал про эти деньги и, чтобы отобрать, объявил нам войну»²². В любом случае, непонимание крестьянами предыстории международного конфликта препятствовало сплочению общества и власти и резко повышало ставки в «игре», в которой на кону оказывалось недавно отпразднованное трехсотлетнее правление Романовых.

Большой интерес для изучения механизма рождения слуха представляет миф о сватовской природе мирового конфликта. Так, летом 1915 г. нижеомские крестьяне Акмолинской области предположили, что Николай II рассердился на австро-венгерского императора Франца Иосифа за то, что наследный принц Франц Фердинанд «хотел обмануть» Ольгу Николаевну²³. В этом слухе произошло причудливое объединение сказочно-архетипического с историко-фактологическим.

В русских сказках и преданиях сватовство нередко было сопряжено с прохождением опасного для жизни испытания. Исторические корни этого можно обнаружить в хорошо известных в древней Руси скандинавских сагах. В одной из них вдова шведского короля Сигрид Гордая приказала сжечь заживо в бане своих женихов, среди которых был и русский князь Всеволод Владимирович. В сказках, собранных А. Н. Афанасьевым, Елена Премудрая отрубала головы женихам, не прошедшим испытание, и вешала их на колья перед дворцом, а Анастасия Прекрасная предлагала всем сватавшимся к ней помериться силами. Часто сватовство выводило царства на порог войны, о чем рассказывали пермские крестьяне в сказке А. Н. Зыранову в 1850 г.: «какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну»²⁴. Как показала О. М. Фрейденберг, в первобытном сознании ритуальная сторона брака была метафорическим выражением дуализма жизни-смерти, а облачение невесты и жениха в одеяния царицы и царя символизировало состязание, борьбу двух начал²⁵. В. Я. Пропп объяснял кровавые свадебные испытания в сказках традицией архаичного обряда кровосмешения перед свадьбой²⁶. Таким образом, понятия состязания-войны и сватовства-брака имели семантическое сходство в мифологизированном крестьянском сознании.

²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 22.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 22.

²² Там же. Л. 164 об.

Ibid, L. 164 об.

²³ Там же. Л. 211.

Ibid, L. 211.

²⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1984. Т. 1. № 125.

Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva; v 3 t., M., 1984, T. 1, № 125.

²⁵ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 67–69.

Freidenberg O. M., *Poetika syuzheta i zhanra*, M., 1997, S. 67–69.

²⁶ Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 376–380.

Propp V., *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*, L., 1986, S. 376–380.

Однако сватовская версия начала войны появилась не из-за одной только архетипической ассоциации. Материалом для связывания сказочных сюжетов с политической ситуацией 1914 г. послужили реальные исторические факты. При всей абсурдности версии о сватовстве 51-летнего Франца Фердинанда, состоявшего к тому же в официальном морганатическом браке с чешской графиней, нельзя не вспомнить историю сватовства к княжне Ольге Николаевне наследного принца Румынии Карола, приехавшего в начале 1914 г. с этой целью в Петербург. В мае начали распространяться слухи о предстоящей свадьбе Карола и Ольги, однако по вине русской стороны помолвка не состоялась. След румынского сватовства обнаруживается также в слухах, ходивших по Курляндской губернии: «Не Германия виновата, а Россия: одна сволочь (Николай II. – В. А.) поехала в Румынию заводить сватовство, чтобы привлечь на свою сторону, а другие сволочи, русские министры, поехали в Сербию подготовить убийство австрийского наследника престола»²⁷. Связав неудавшуюся помолвку Карола и Ольги с начавшейся вскоре войной, поменяв действующих лиц и роли сторон в этой истории, народная молва создала доступную и удобную для понимания в деревенской среде версию.

Отсутствие прочных традиций и практик рационально-научного восприятия действительности актуализировало для крестьян мифологический пласт сознания. Кроме того, сама по себе война воспринималась в контексте преданий о последних временах – в эсхатологическом дискурсе, в результате чего события Первой мировой войны наделялись соответствующей иррациональной интерпретацией. Большую роль для крестьян начинали играть приметы, выступавшие знаками-символами. В целом это практика была типична для архаичного мышления. Познание окружающего мира в архаичном сознании обретало формы прорицания²⁸. Не сформировав научных основ картины мира, равно как и переживая период «расцерковления», народ склонен был обращаться к суевериям, так называемому «народному христианству», представлявшему собой синтез апокрифического христианского знания с преданиями языческих времен. Для последних характерным являлось одухотворение природы и тесное переплетение событий климатических, социальных, политических. Так, например, грамотный тотемский крестьянин А. Замараев вел дневник, в котором затнувшиеся до мая 1917 г. зимние холода наделил эсхатологическим содержанием: «Погода студеная, пролетает снег. Нашему государству едва ли не приходит конец»²⁹. Природа и политика оказываются онтологически связанными, пролетающий снег выступает метафорой смерти, гибели. Следует

²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 426.

РГИА, Ф. 1405, Оп. 521, Д. 476, Л. 426.

²⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 94.

Fuko M., *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*, SPb., 1994, S. 94.

²⁹ Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995. С. 24, 160.

Dnevnik totemskogo krest'yanina A. A. Zamaraeva. 1906–1922 gody. M., 1995. S. 24, 160.

отметить, что солдаты-крестьяне часто в письмах домой позволяли себе вольно интерпретировать Священное писание, вследствие чего конфисковывались военной цензурой как сектантские. Из 92 случаев конфискации писем солдат в августе 1916 г. 11 относились к причине неканонической интерпретации евангелий и лишь 5 к революционной агитации (самая большая группа писем – 33 – содержала в себе жалобы на плохие условия жизни солдат и элементы попрошайничества), в то время как в декабре 1916 г. уже только 2 случая конфискации были связаны с неканонической интерпретацией и 27 содержали в себе революционную агитацию (21 – жалобы на плохие условия жизни)³⁰.

Следующая группа слухов с фольклорно-сказочной атрибутикой касалась объяснения причин поражений российской армии. Доминирующим мотивом здесь была тема предательства и шпионмании достаточно изученная в историографии Первой мировой войны и непосредственно не связанная с архетипическими представлениями современников³¹. Но можно отметить и другие причины поиска врагов среди членов царской семьи. Во-первых, традиционно архаизированное сознание национальные беды рассматривает в качестве божьей кары за грехи; во-вторых, императорская семья в годы войны выбирает модель поведения, расходящуюся с народными представлениями о том, как должен себя вести благочестивый царь, что позволяет рассматривать его в качестве главного подозреваемого в прегрешении перед богом.

Постепенно «официально-народная» идея богоизбранности царя стала сменяться идеей эсхатологической, в которой царь считался никем иным, как Антихристом. Особое распространение подобные высказывания получили в Саратовской губернии среди старообрядцев, причем, как правило, крестьяне аргументировали эту версию вмешательством царя в светские и религиозные дела³². Персонификацией Антихриста в народном фольклоре считался царь Ирод. Любопытно, что крестьянское сознание проводило параллель между убиением невинных в ходе Первой мировой войны и убиением младенцев. Иудейский царь-детоубийца награждался

---

³⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13838. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–544.

Russian State Military History Archive (RGVIA), F. 13838, Op. 1, D. 18, L. 1–544.

³¹ См.: Колоницкий Б. Конспирологический резонанс: шпионмания как потребность («Дело Мясоедова» в общественном сознании, 1915–1917) // Пятое чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008; Фуллер У. Внутренний враг. Шпионмания и закат императорской России. М., 2009; Jahn Hubertus F. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca; London, 1995.

Kolonitskii B., *Konspirologicheskii rezonans: shpionmaniya kak potrebnost' («Delo Myasoedova» v obshchestvennom soznanii, 1915–1917)*, Pyatye chteniya pamyati Veniamina Iofe. Pravo na imya. Biografika 20 veka. Epokha i lichnost': rakursy istoricheskogo ponimaniya, SPb., 2008; Fuller U., *Vnutrennii vrag. Shpionmaniya i zakat imperatorskoi Rossii*, M., 2009.

³² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 442, 443 об.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 442, 443 ob.

чертами Антихриста, и крестьяне Воронежской губернии, например, ожидали его второго пришествия: «Говорят, что народится Ирод. Вот и народился Ирод – это наш царь Николай»³³. Характерными эпитетами из разряда «нечистых», которыми награждали царя, были черт и леший³⁴.

Параллельно закреплению за царем характеристик Антихриста происходило и создание подтверждающего данные слухи мифа о нравственном падении царской семьи. В этом плане интересно отметить, что даже такой благовидный поступок, как вступление царевен в общество Красного креста в качестве сестер милосердия рассматривалось многими крестьянами как доказательство их грехопадения. Дискредитированный в глазах низов образ сестры милосердия приводил к дискредитации и членов императорской семьи. Так, в декабре 1915 г. мещанин Витебска Ицко Забежинский заявил: «Старая государыня, молодая государыня и ее дочери... (брань); для разврата настроили лазареты и их объезжают»³⁵. Утверждение, что дочери государя ведут развратный образ жизни, неоднократно встречалось в делах по обвинению населения в нарушении 103 ст. Уголовного уложения³⁶.

Нарушение архаичных стереотипов царской поведенческой саморепрезентации приводила к появлению слухов об исчезновении Николая. Так же, как и первая поездка за границу русского царя Петра I породила после возвращения слухи о его подмене, так и в XX в. разъезды самого Николая II приводят к появлению схожего мифа. Крестьянин Тверской губернии Никита Брюнгин в апреле 1915 г. доказывал своим односельчанам, что «государя императора у нас нет уж четыре года и за него у нас кто-то там правит»³⁷.

В распространенных среди крестьян слухах об исчезновении царя можно обнаружить эсхатологические мотивы. Один из них особенно интересен присутствием фольклорного сюжета о бегстве Николая по тайному подземному ходу. В августе 1915 г. крестьянин Вятской губернии Иван Машковцев рассказывал своим однодеревенцам: «У нас Николка сбежал; у нашей державы есть три подземельных хода в Германию и один из дворца, быть может туда уехал на автомобиле. У нашего государя родство с Вильгельмом»³⁸. В данном случае помимо рационального пласта слуха – родст-

³³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 332.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 332.

³⁴ Там же. Л. 443 об.

Ibid, L. 443 ob.

³⁵ Там же. Л. 481–481 об.

Ibid, L. 481–481 ob.

³⁶ Там же. Л. 107, 484.

Ibid, L. 107, 484.

³⁷ Там же. Л. 99 об.–100.

Ibid, L. 99 ob.–100.

³⁸ Там де. Л. 261 об.–262.

Ibid, L. 261 ob.–262.

ва Николая II с германским императором, – обнаруживаются сказочные аллюзии к апокалиптическому мотиву исчезновения царя.

Можно предположить: если мифологизация крестьянского массового сознания являлась следствием дискредитации церкви и земства в глазах народа, в результате чего народное сознание находило альтернативу в сектантской религиозно-апокрифической мифологии, то в городской среде, более тесно связанной именно с письменной текстовой культурой, иррационализация предопределялась информационным кризисом, во многом спровоцированным цензурой военного времени. Сын сельского священника писал в ноябре 1914 г. своему отцу из Петрограда в Тверскую губернию: «Наши газеты не то они бессознательно врут, не то задавлены цензурой, только бывает трудно отличить ложь от правды...»³⁹ Другой петроградец отмечал в сентябре 1915 г.: «Новостей теперь в Петрограде трудно извлечь; все живет на слухах»⁴⁰. Спустя полтора года, в начале февраля 1917 г., отношение столичных жителей к информационному пространству не изменилось: «Общественная жизнь полна всяких слухов, толков и зигзагов. Так как цензура наложила на печать свою тяжелую лапу, то петроградцам ничего не остается делать, как питаться сплетнями, из которых девять десятых совершенно неправдоподобны. Общественное настроение нервное и действительно напоминает канун 1905 года»⁴¹.

Падение авторитета власти, надежд на скорое завершение войны способствовало развитию иррационального мышления обывателей. В условиях недоверия к подцензурным источникам информации обыватели обращались за ответами к народным традиционным формам – гаданиям. Особой популярностью пользовались гадания, основанные на магии чисел: обыватели искали закономерности, позволявшие определить дату окончания войны. Так была выведена формула определения даты мира на основе франко-прусской войны 1870–1871 гг.: если сложить оба числа, то сумма первых двух чисел полученного результата будет означать день, а сумма оставшихся – месяц окончания войны, т. е. 10 мая. Действительно, 10 мая 1871 г. был подписан мирный договор между Францией и Пруссией. Будучи уверенными в том, что современная война не продлится дольше текущего года, петроградцы решили, что Германия подпишет капитуляцию 11 ноября 1915 г. ($1914+1915=3829$; $3+8=11$; $2+9=11$)⁴². Как известно, Германия действительно подписала перемирие 11 ноября, фактически означавшее окончание войны, но только в 1918 г. Таким образом, жаждавшие скорейшего мира предсказатели ошиблись ровно на три года.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 152.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 967, L. 152.

⁴⁰ Там же. Д. 1014. Л. 742.

Ibid, D. 1014, L. 742.

⁴¹ Там же. Д. 1071. Л. 49.

Ibid, D. 1071, L. 49.

⁴² Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 29 июня.

Birzhevye vedomosti, Vech. Vyp, 1915, 29 iyunja.

В погоне за счастьем и удачей, если не помогали духи, карты и лотерейные билеты с предсказаниями, люди пытались в силу своих возможностей и в меру известных суеверий самостоятельно влиять на судьбу. Так, например, россияне бросились скупать «брутовские рубли» – бумажные деньги, подписанные кассиром Государственного банка Брутом, который повесился в 1914 г., по слухам, проигравшись в карты. Согласно суеверию, некоторые вещи, оставшиеся от самоубийц, приносят счастье, вот суеверные обыватели в условиях распространения мистицизма и поддались массовой психологии.

Устраивались спиритические сеансы, во время которых вызванные духи делали предсказания. Убийство Распутина в декабре 1916 г. породило новую волну слухов: якобы дух старца продолжает оказывать влияние на политику, вселяясь в тех или иных членов правительства. В частности, поговаривали о том, что дух Распутина вселился в министра внутренних дел А. Д. Протопопова⁴³.

Мистификация общественного сознания обывателей так же прослеживается при анализе политического дискурса – высказываний, объединенных единой темой и фразеологическими средствами. В перлюстрированной корреспонденции городских слоев с 1916 г. начинает часто встречаться оккультная лексика. Вероятно, отчаявшись объяснить происходящее в стране рационально, обыватели приступили к поиску мистических улик. Так, уставшие от «министерской чехарды» они в частных письмах друг другу называли правительство «спиритическим». Причем в это слово вкладывалось одновременно несколько значений: министерство, состоявшее из духов, и министерство, занимавшееся спиритическими, а не правительственными делами. Примером употребления словосочетания «спиритическое министерство» в первом значении служит письмо за подписью «Лида», отправленное из столицы 13 января 1917 г.: «Все наши ожидания так и остались ожиданиями, что вполне соответствует русской действительности. Быть может теперешнее объединенное спиритическое министерство удивит мир своими решениями, продиктованными посторонними силами, но и не думаю. Ведь подобное стремится к подобному, следовательно, и духи должны быть равного качества. Вот уж тогда в пору петь “уж не жду от верха ничего я”»⁴⁴. В последней строчке были перефразированы слова «уж не жду от жизни ничего я» из известного в начале XX в. романса на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Оба значения словосочетания «спиритическое министерство» вытекали из представлений российских подданных о министрах как временных ставленниках Г. Распутина, и министров, не способных самостоятельно действовать. Так, петербуржец характеризовал нового министра просвещения, доктора медицины Н. К. Кульчицкого, попадавшего по следующему описа-

⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 186.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 1069, L. 186.

⁴⁴ Там же. Д. 1068. Л. 95.

Ibid, D. 1068, L. 95.

нию под понятие «духа»: «Про Кульчицкого одна особа, хорошо его знающая, рассказывала, что он круглый дурак и ничтожество (будто бы в Казани его звали “пареной репой”). Кассо выдвинул его как подставное лицо, чтобы спихнуть кого-то и сдать Кульчицкого потом в Совет министерства. Назначение объясняется тем, что К. был в фаворе у Р-на (Распутина. – В. А.)»⁴⁵. В другом письме Кульчицкого прямо называли спиритуалистом и даже связывали его с сектантским (религиозно-философским) кружком Д. С. Мережковского: «Новый министр спирит; в свое время привлекался к суду по делу 193 (революционная пропаганда), но затем покаялся; должен был подвергнуться суду по делу Мережковского, но по милости министра Кассо был спасен переводом на должность попечителя Петроградского учебного округа, изгнание его с которой было первым делом Игнатьева»⁴⁶. Любопытно, что в английском языке слово «spirit» имеет ещё одно значение, весьма актуальное для городских слоев эпохи «сухого закона», – алкоголь. В народе был распространён образ царя-пьяницы и такого же правительства: «Вчера я слышала забавные шуточки про царя. Пьёт он без отдыха, и будто бы спаивает его Александра», – писала студентка из Петрограда⁴⁷.

Охваченной мистическим настроением была и царская семья. Вероятно, именно этим в первую очередь объясняется феномен Распутина. А. Кизеветтер указывал на мистический фетишизм императрицы, веру в чудодейственные силы предметов, полученных от различных юродивых и старцев⁴⁸. По всей видимости, появление Распутина было связано с желанием найти замену умершему в 1905 г. придворному мистикку Филиппу Ницье, которого Александра Федоровна в письмах к Николаю называла «нашим первым другом», подразумевая под просто «другом» Г. Распутина. «Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, которая предостерегает меня от злых людей и препятствует им приближаться ко мне. Я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них...», – писала императрица супругу в 1915 г.⁴⁹ Кизеветтер характеризовал государыню как женщину с «душою честолюбивой, порывисто-страстной и бурной и с мыслью, безнадежно затуманенной предрассудками и признаками расстроенного воображения»⁵⁰. Неудивитель-

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 186.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 1069, L. 186.

⁴⁶ Там же. Д. 1068. Л. 86.

Ibid, D. 1068, L. 86.

⁴⁷ Там же. Д. 1070. Л. 88.

Ibid, D. 1070, L. 88.

⁴⁸ Кизеветтер А. Письма царицы // Современные записки. 1922. Кн. XIII. Культура и жизнь. С. 327–328.

Kizevetter A., *Pis'ma tsaritsy*, *Sovremennye zapiski*, 1922, Kn. XIII, Kul'tura i zhizn', S. 327–328.

⁴⁹ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922. Т. 1. С. 135.

Pis'ma imperatritsy Aleksandry Fedorovny k imperatoru Nikolayu II, Berlin, 1922, T. 1, S. 135.

⁵⁰ Кизеветтер А. Указ. соч. С. 324.

Kizevetter A., *Op. cit.*, S. 324.

но, что многие современники, лично знавшие супругу императора, порой считали её сумасшедшей или, в лучшем случае, неврастеничкой⁵¹.

Официальные власти пытались бороться с мистическими настроениями в обществе путём введения запретов на публикацию предсказаний о войне и деятельности шарманщиков, продававших соответствующие билеты, хиромантов и проч. 19 февраля 1915 г. от имени товарища министра внутренних дел всем губернаторам было отправлено циркулярное письмо: «Прошу воспретить бродячим шарманщикам продажу публике билетов с предсказаниями о войне и мире»⁵². Некоторые губернаторы пошли ещё дальше, и тут же издали запрет на всякую публикацию статей, оттисков с предсказаниями войны⁵³.

По-видимому, косвенно связанной с увлеченностью горожанами мистикой была и проблема динамики психических расстройств в период Первой мировой войны. Психиатры-современники отмечали резкий всплеск душевных заболеваний летом 1914 г. Причем особенно ярко динамика проявилась у женщин, которые традиционно считаются более психически уравновешенными, чем мужчины. Так, если до июля 1914 г. поступление женщин в психиатрические лечебницы российской столицы постепенно снижалось, то с началом войны, наоборот, начинается его рост (правда, так и не достигнув пика 1914 г., который пришелся на май – традиционный период обострений у душевнобольных). В результате, по сравнению с июлем в декабре 1914 г. в больницах для душевнобольных оказалось на 28% женщин больше⁵⁴. Для обоих полов Москвы характерна примерно та же ситуация, только с опозданием на 1 месяц, резким скачком поступлений в сентябре (рекордная отметка для всего года в 204 человека), и последующим постепенным снижением. Показательна так же кривая смертности среди душевнобольных за годы войны. Так, среднемесячная смертность душевнобольных в Петербурге в 1913 г. составляла 69,9 чел., в 1914 г. – до 72,4 чел., а в 1915 г. – 81,6 чел. в месяц⁵⁵.

В 1915 г. из 50 болезней, вызвавших смерть пациента, душевные болезни занимали 4-ое место, составляя 979 чел. и уступали только туберкулезу – 3 273 чел., хирургическим – 1 296, скарлатине – 1 102. Причем именно с июля 1914 г. смертность от психических расстройств окончатель-

---

⁵¹ См.: *Зимин И. В.* Последняя российская императрица Александра Федоровна // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 112–120.

Zimin I. V., Poslednyaya rossiiskaya imperatritsa Aleksandra Fedorovna, Voprosy istorii, 2004, № 6, S. 112–120.

⁵² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 86. Л. 2.

GARF, F. 102, Op. 73, D. 86, L. 2.

⁵³ Там же. Л. 4.

Ibid, L. 4.

⁵⁴ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения СПб. городской управы. 1914. № 1–12.

Ezhemesyachnik statisticheskogo otdeleniya SPb. gorodskoi upravu, 1914, № 1–12.

⁵⁵ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы. 1913–1915 гг.

но опережает смертность от алкоголизма. При этом к началу 1915 г. и к началу 1916 г. душевные болезни были безусловным лидером по количеству находившихся в больницах пациентов: 3 873 и 3 706 чел. соответственно.

В 1914 г. В. М. Бехтерев опубликовал статью «Психические заболевания и война», где связывал эти два фактора, считая причиной психических расстройств как травмы головы у солдат на фронте, так и волнения, напряжение психических сил людей, особенно в прифронтовой зоне. Среди проявлений истерико-неврастенических психозов Бехтерев называл галлюцинации и кошмары по ночам. Чтобы не превращать фронт и полевые госпитали в сплошной сумасшедший дом, и не снижать тем самым боевой дух здоровых воинов, В. М. Бехтерев ещё в сентябре 1914 г. предложил начать срочную эвакуацию душевнобольных с фронта и направлять их на лечение в городские больницы⁵⁶. Профессор-психиатр П. Я. Розенбах так же анализировал душевные расстройства периода мировой войны. Со ссылкой на него «Биржевые ведомости» поместили описание заболевания рядового Ф. Д. Кирволидзе, который каждый день с 9 до 12 часов утра впадал в латаргический сон⁵⁷.

Эмоциональный спад или элементы депрессии можно было наблюдать по такому явлению, как рост рассеянности столичных жителей, проявившийся в потере личных вещей. Как писал один из журналистов в июле 1915 г.: «Богиня Мнемозина окончательно покинула петроградцев»⁵⁸. В стол находок управления городских железных дорог (трамваев) с 1 января по 16 июля 1915 г. поступили 1403 забытые вещи. Женщины оказались забывчивее мужчин и в зимнее время «любили» терять в вагонах трамвая муфты, сумочки, кольца, браслеты, иногда умудрялись оставить верхнюю юбку или корсет. В оправдание рассеянных петроградоков 1915 г. можно упомянуть, что накануне войны кто-то умудрился «забыть» в трамвае сверток с новорожденным младенцем, о котором также сообщили в стол находок, но, по-видимому, в той истории все же были иные мотивы. Довольно часто петроградцы теряли галоши (причем, по одной), трости, зонты.

Однако более печальным следствием массовой депрессии стали участвовавшие несчастные случаи с летальным исходом. Так, например, за 1913 г. от несчастных случаев погибло 1 098 петроградцев. В 1914 г. их количество хоть и сократилось до 1 066, но в декабре показало рекордную отметку в 152 погибших чел. (против 71 в декабре 1913 г.). Однако уже в 1915 г. от несчастных случаев погибло 3343 чел., т. е. увеличилось на 214 %. Пик пришёлся на месяц октябрь, в котором в городе умерло 445 чел. (против 90 в октябре 1913 г.)⁵⁹. Для Москвы была характерна та же ситуа-

⁵⁶ Московский листок. 1914. 20 сент.

Moskovskii listok, 1914, 20 sentyabrya.

⁵⁷ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 13 янв.

Birzhevye vedomosti, Vech. vyp., 1915, 13 yanvaryu.

⁵⁸ Там же. 20 июля.

Ibid, 20 iyulya.

⁵⁹ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы. 1913–1915 гг.

ция, и против 796 погибших от несчастных случаев в 1913 г. в 1915 г. оказалось уже 2 538 жертвы⁶⁰. В 1916 г. количество смертельных исходов после несчастных случаев незначительно снижается примерно на 17 %, вероятно, по причине психологической адаптации горожан к постоянным неутешительным сведениям, поступающим с фронта. Однако по-прежнему этот показатель продолжает превышать уровень довоенного периода.

К последствиям массового психического кризиса следует также отнести суицидальную активность населения. Здесь скорее наблюдается обратная динамика – о снижении числа самоубийств с началом войны. Отчасти это связано с увеличением смертности душевнобольных. Так, например, вслед за начавшимся в апреле 1914 г. снижением количества самоубийств среди петроградцев в мае начала расти смертность от психических расстройств, а ее падению с октября 1914 г. соответствовал рост самоубийств, начавшийся на месяц раньше⁶¹. Таким образом, обратно пропорциональная кривая колебаний самоубийств и смертности душевнобольных позволяет предположить, что в обоих случаях фигурируют представители практически одной группы населения, страдающей психической неуравновешенностью.

Кроме того война способствовала развитию такого феномена, как коллективное самоубийство, особенно характерное для молодежи. Так, в августе 1914 г. в селе Поповка Полтавской губернии расчеты с жизнью свели два друга, учащиеся двухклассного Петровского земского народного училища Дорофей Олексенко, 15 лет, и Иван Черненко, 14 лет. Священник Николаевской церкви села Поповки в рапорте от 17 августа 1914 г. обратился с просьбой к епархиальному начальству о разрешении совершить отпевание несчастных по христианскому обряду, предполагая, что самоубийства «произошли в состоянии острого психоза, вызванного обстоятельствами войны»⁶². Дело это рассматривалось вплоть до октября следующего года, и в итоге священнику отказали, епископ Полтавский и Переяславский Феофан и чиновники из Синода сочли недоказанным факт совершения самоубийства в приступе безумия.

Тема коллективного самоубийства с начала XX в. занимала одно из центральных мест в декадентской литературе, объединяла писателей совершенно разных направлений: М. Арцыбашева, Ф. Сологуба, Л. Андреева, В. Иванова, А. Куприна и др. Двум первым было суждено стать главными «певцами смерти», именно их общественность заподозрила в организации Лиги самоубийств. Появление романа Арцыбашева «У последней черты»,

---

Ezhemesjachnik statisticheskogo otdelenija petrogradskoj gorodskoj upravu, 1913–1915 gg.

⁶⁰ Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1913–1915.

Ezhemesjachnyj statisticheskij bjulleten' po g. Moskve, 1913–1915.

⁶¹ Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы. 1913–1915 гг.

Ezhemesjachnik statisticheskogo otdelenija petrogradskoj gorodskoj upravu, 1913–1915 gg.

⁶² РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6, 2 ст. Д. 82. Л. 7–7 об.

RGIA, F. 796, Op. 201, Otd. 6, 2 st., D. 82, L. 7–7 ob.

посвященного самоубийству семерых человек, хронологически совпавшее с общественными дискуссиями вокруг «эпидемии самоубийств» в 1910–1912 гг., только укоренило общественное мнение в идее причастности литературы к данной социальной проблеме. Неудивительно поэтому, что при расследовании причин самоубийств учащихся в анкетах часто запрашивали, увлекался ли погибший беллетристикой. Учитывая, что кинематограф также тиражировал идеи упаднической литературы, некоторые губернаторы издавали распоряжения, запрещающие посещение кинематографа детьми ввиду его «разлагающего влияния»⁶³.

Таким образом, Первая мировая война, вызвавшая социально-психологический кризис в стране, проявившийся, среди прочего, в нарастании психических заболеваний, способствовала развитию иррационального мышления обывателей. В первую очередь им оказались охвачены представители низших, неграмотных или малограмотных групп населения, которым ни государство, ни земство не успели привить рациональную картину мира. Информационный кризис, спровоцированный цензурной политикой властей и общей дискредитацией царской власти ввиду военных неудач, повышал значение такого источника информации, как слух. Иррациональное сознание не могло принять политическую историю Первой мировой войны, усвоить внятную патриотическую доктрину, вследствие чего в народных массах, питавшихся слухами, господствовали архаичные представления о войне в контексте народно-эсхатологических предрассудков.

Список литературы:

1. *Зимин И. В.* Последняя российская императрица Александра Федоровна // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 112–120.
2. *Лурье С.* Метаморфозы традиционного сознания. М.: Тип. им. Котлякова, 1994.
3. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Лениздат, 1986.
4. *Смит С.* Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 280–306.
5. *Фрейденоберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М. «Лабиринт», 1997.
6. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994.
7. *Betekhina E.* Style in Lower-Class Writing in 1917 // *Steinberg M.* Voices of Revolution, 1917. New Heaven and London: Yale University Press, 2001.
8. *Matsuzato K.* The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916 // *The Russian Review.* April 1996. Vol. 55.
9. *Viola L.* The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // *The Journal of Modern History.* 1990. Vol. 62. Issue 4.

---

⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 221. Л. 1–2.
RGIA, F. 797, Op. 86, D. 221, L. 1–2.

**IRRATIONALIZATION THE MASS CONSCIOUSNESS
INHABITANTS IN 1914–1916 YEARS AS A CRISIS OF
INFORMATION POLICY OF THE ZEMSTVO AND THE STATE**

V. B. Aksenov

The Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and iavtomatiki (Technical University), The Dept of Russian History and Law, *Moscow, Russia*

In the article the irratsionalization of mass consciousness of inhabitants during World War I as a result of incompleteness of the "rational turn" is considered. Merge of the zemstvo and central power in the opinion of the people therefore the policy of tsarism discredited representatives of zemstvo is noted. Misunderstanding by the peasantry of the reasons of the war increase relevance of such source of information as hearings in which eschatological motives are found. Thus the author notes the similar processes happening among citizens – mass hobby for mysticism, the spiritualizm caused by desire to learn time of the end of war. Analyzing form and content of rural hearings, and also studying dynamics of growth of the insane, suicide activity of city segments of the population, the author comes to a conclusion about unity of psychological and social processes.

Keywords: *World War I, hearings, mass consciousness, zemstvo, mental disorders, suicide.*

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России и права, Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и иавтоматики (МИРЭА), (Россия, 119454 г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78), e-mail: vlaks@mail.ru

About the author:

AKSENOV Vladislav Benovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History and Law, The Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and iavtomatiki (Technical University), (Russia, 119454 Moscow, Prospect Vernadskogo, 78), e-mail: vlaks@mail.ru

References

- Zimin I. V., *Poslednyaya rossiiskaya imperatritsa Aleksandra Fedorovna*, Voprosy istorii, 2004, № 6.
Lur'e S., *Metamorfozy traditsionnogo soznaniya*, M., 1994.
Propp V., *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*, L., 1986.

Smit S., *Nebesnye pis'ma i rasskazy o lese: «sueveriya» protiv bol'shevizma*,
Antropologicheskii forum, 2005, № 3, S. 280–306.

Freidenberg O. M., *Poetika syuzheta i zhanra*, M., 1997.

Fuko M., *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*, SPb., 1994.

Статья поступила в редакцию 14. 10. 2014 г.